

Александр ЛЮЛИН,
Ленинградская обл.

* * *

Слова не мучу, не калечу
Затем, что с детских лет знаком
С естественным течением речи,
С нормальным русским языком.

Татарским тернием увита
Лесная азбука славян;
И всё же буквы алфавита
Верны отеческим словам.

И в речи письменной, и устной
Народа, рода и семьи
Встаёт с тоскою безыскусной
История родной земли.

Как воины в разгаре битвы,
Идут на штурм, за рядом ряд,
Слова для клятвы, для молитвы
И те, что ночью говорят.

Слова же существа живые:
Их нужно миловать, беречь,
Чтобы звучала, как впервые,
Славянская святая речь.

Николай АСТАФЬЕВ,
Санкт-Петербург

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУБЦОВА

Вольнолюбивый дух поэта
опять собрал нас в этот день,
и снова между нами где-то
его взыскующая тень,
его знакомая походка,
его раздумчивая речь,
его завет – святой и кроткий –
своё Отечество беречь.

Прочтём стихи его – и снова
он оживёт как человек,
и нежная душа Рубцова
ворвётся в XXI век.

Его поэзия, как знамя,
он снова с нами в этот день,
певец родимой глухомани,
её забытых деревень...
И не случайно в день Крещенья
среди заснеженной тиши
мы ощущаем возвращенье
его встревоженной души!

Татьяна ШОРОХОВА,
Севастополь

ОСЕННИЕ ОДУВАНЧИКИ

С погодой осень нянчится,
вот и цветут красиво
лужайки одуванчиков
октябрьского разлива.

На склоне возле сосенок
я к цветку босоножек
взяла б отрез весёленький
на платьице в горошек.

Но осень не поделится
своим нарядом броским,
а скажет: – У метелицы
проси костюм матроски.

Не очень загорелая,
отвечу, но напрасно:
– Ношу я чёрно-белое
и так довольно часто.

А мне бы – шарфик в солнышках
на изумрудном поле...
...Одёрнет тоном сторожа:
– Любуйся и не боле!

Татьяна СЕМЁНОВА,
Санкт-Петербург

БЕЗ ПРАЗДНИКОВ ЗИМЫ НЕ ПЕРЕЖИТЬ...

Без праздников зимы не пережить,
Без поцелуев и объятий,
Вот ключ в руке уже дрожит,
И сердце выскочит из платья!
Кто станет выметать углы,
Порядок наводить в берлоге,
В гостиной накрывать столы,
Когда б ни гости на пороге?
Гулянья, пляски, кутежи...
Куда несчастному податься?
Друзья, да разве это жизнь,
Когда хотелось оторваться?
Одна отрада – телефон,
Компьютер – жалкая замена...
Где хрустала призывный звон,
И блюд шипящих перемена?
Из тостов узнавали мы
Итоги собственных свершений,
Остались каверзы зимы
И странный привкус пелеменей,
Политых горькою слезой.
О, боже мой! О, боже мой!

Виталий ДМИТРИЕВ,
Санкт-Петербург

* * *

Снег плясал,
бесновался в объятиях тьмы,
и метель
под серебряной крышкой зимы,
закипая, плескала свой дымный отвар
в подворотни домов,
захлестнув тротуар.

Снег летел, торопясь залепить до утра
этих улиц названья, домов номера,

чтоб из хаоса белого утром возник
безобразного города чистый двойник.
Снег метался по улицам,
падал, взлетал,
заполнял серой кашей
ослепший канал.
И сквозь саван непрочный,
сквозь ветер и снег
Проступал всё ясней
девятнадцатый век.
Возникал наяву
уничтоженный мир —
серебро, позолота, барокко, ампир.
Даже блочных коробок
уродливый бред
был лепниною снежной
роскошно одет.
Снег кружился над городом
в небе пустом,
и антенна на церкви казалась крестом,
и на этом кресте был навечно распят
Петербург, Петроград, Ленинград.

Станислав ФЕДОТОВ,
г. Реутов, Московская обл.

ХУДОЖНИК

Разнuzданный.
Расхристанный.
Лохматый.
Рыжебород, как леший, и сипат...
Таких сдавали в вечные солдаты
Лет полтора ста, может быть, назад.

Схватил за плечи и трясёт, как грушу.
Я ж стал столбом –
всё помню до сих пор –
Перед картиной,
поразившей душу,
Его картиной
с именем «Собор».

Там в центре – храм.
Огромный, грязно-белый.
Крестами в тучи мрачные упёрт.
А низом –
город, терема дебели, –
Как бы боярский,
близ царя,
эскорт.

И дальше –
круг за кругом –
от собора
Дворцы, казармы
и «хрущёвок» строй...
Высотки с полотна шагают споро,
Но храм над всем возносится горой.

Не камень –
богатырь с осанкой гордой:
Любой противник лучше не грози!..

Мне спазмами перехватило горло:
Я понял вдруг
величие Руси.

Храм – стержень,
средоточие,
ось мира,
И Русь – вокруг,
у неприступных стен.
Не оттого ли время не размыло
Всех сорока её живых колен?

Не потому ль один её потомок
Из нынешних беспутных сыновей
Вдруг вырвался из собственных потёмок
И старый мир открыл,
что всех новей?

...А в мастерской
внезапно стало пусто.
Темно,
лишь храм чуть теплится огнём.
Куда же ты исчез,
солдат искусства?
Ушёл в собор
и растворился в нём.

Владимир СКВОРЦОВ,
*село Климовицина
Пестовского района
Новгородской области.*

СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ

«Насовсем, аль на побывку?» –
председатель вопрошал
и, едва сдержав улыбку:
«В форме ты, что генерал!»
Побежала тётка Паня,
прихватив ведро с крыльца,
истопить пожарче баню
для солдата-молодца.
«Ты в фуражке больно важный!» –
щурия глаз, польстил сосед...
И представилось однажды,
как с войны

вернулся дед...
Напуская в избу стужу,
шёл солдат через порог...
Спас он Родину
и душу –
уберечь себя не смог.
Страх и радость – по морщинам
перепуганной жены...
Опустил глаза мужчина –
не вздохнуть от тишины,
сердце сводит от озноба...
Ах! Проклятая война!
Этой встречи ждали оба,
ждали оба...

Вот она!
Он обнять жену желает –
и не может в первый раз!
По щекам, дрожа, сползают
слёзы жгучие из глаз.
На мороз бежать бы в сени,
пусть остынет голова!

Вдруг солдатка – на колени,
и целует рукава!

Мать берёт мои ладони
осторожно и тепло:
«Загрустил, сыночек, что ли?»
«Нет, родная, всё прошло»...

Владимир ПРОСКУРОВ,
Киев

СОЛНЦЕ – КРЕСТНИК ВЕСНЫ

В окно простоволосое
Ворвалось солнце рыжее,
Дубастое и босое,
Нагое и бесстыжее.
В алмазах утра раннего,
С оранжевою сочностью,
В дыму тумана дальнего...
В окно забило точностью.
Берёзы белотелые
Бредут в туманы алые,
Толпой в овраг несмелые,
Сбегают к ёлкам... малые...
А солнце златолатое
Повисло над берёзами,
Пятная ель лохматую,
Обрызгивая розами...
Полны и дали ясностью,
Рассветом апельсиновым,
И день дымит прозрачностью,
Ручьём аквамариновым.
И синь небес раздвинута,
И даль зарёй напудрена,
Пучком лучей... настигнута...
Весною перламутренна.
Крыло розовопёрое!
В румянном блеске вестница!
Расправило... медовое,
Весны светило крестница.

Геннадий КИСЕЛЁВ,
Москва

ЕСЛИ БЫ, РЕБЯТА, ДА КАБЫ...

*Стихотворение,
которое автор посвятил
себе самому...
так получилось*

Жил на перекрёстке ста дорог,
путь держал в любую сторону.
Только до тебя дойти не смог,
знать, делил шаги всем поровну.

И делёж тот разорвал карман,
лишь в подкладке затаился грош.
А с него не сыт ты и не пьян.
Что с него истёртого возьмёшь.

Не добраться нынче до тебя,
башмаки разбиты вкривь и вкось.
И застыл я, грошик теребя...
размахнись, пожалуй, да и брось.

Только размахнулся я с плеча,
как заметил нищенку в пыли,
понял, размахнулся сторяча...
не пыли, дружище, не пыли.

Ей и вбил в ладонь последний грош.
На дорожку ж был перекрещён.
Поклонился напоследок.
Что ж,
может, буду им самим прощён.

Может, подтянусь и доберусь
до моей отринутой судьбы?
И с порога в двери постучусь...
Если бы, ребята, да кабы.

Михаил СИЛКИН,
Москва

ПАМЯТЬ

Нас в России немало таких,
Тех, кто помнит и не забывает,
Что на стареньких фото рябых
Память ярко, как кровь, проступает.

Тех, чьи предки, сжимая мечи,
Влились в землю родную навеки.
Им восходного солнца лучи
Опустили усталые веки.

Наша память поныне сильна,
Ей живём, дарим детям и внукам,
И что Родина только одна
Наша вечная память порукой.

Александр КОВАЛЁВ,
Санкт-Петербург

ПАТЕФОН

Синий ящик патефона
среди хлама в гараже
вдруг напомнил
время оно,
невозвратное уже.

Крутанул рычаг манящий,
пыль с пластинки старой смёл.
Вот так штука! –
чудо-ящик –
заскрипел себе,
пошёл.

И качнулся воздух гулко,
будто хрипая игла
проскрипела в закоулке,
где давно покой и мгла.

Там, где тускло и невнятно –
чьи-то лица,
имена...
Там, где память невозвратно
время оно замела.

